Чтобы проверить свою догадку, помощник Гу решил взять инициативу в свои руки и лично занялся заказами обедов для директора Циня.

Раньше Цинь Кэ редко ел на работе, но в последние месяцы всё изменилось. Заказ еды для босса — дело тонкое: угадаешь с меню — так и надо, промахнёшься — расценят как халатность. И хотя сам глава компании никогда не придирался к блюдам, его помощники всегда действовали с оглядкой и предельной осторожностью.

Они договорились дежурить по очереди, но в последнее время Гу так рьяно взялся за дело, что полностью взвалил на себя заботу обо всех обедах босса.

Коллеги подшучивали над ним:

— Старина Гу, неужто решил подлизаться к боссу и ухватиться за его золотое бедро?

Это были всего лишь шутки. Все прекрасно знали, что Цинь Кэ ценит исключительно профессионализм, а любые попытки выслужиться считает делом пустым и бесполезным.

«Да что вы вообще понимаете», — мысленно усмехался Гу. Каждый раз, оформив заказ, он отправлял меню директору Циню, после чего заходил в соцсети и, натыкаясь на новые публикации молодого господина Дуаня, понимающе улыбался.

***

Дуань Цунчжи долго упражнялся перед зеркалом. Поначалу у него ничего не получалось, но со временем он заметил: если растянуть улыбку пошире, это движение непроизвольно увлекает за собой и уши. Он улыбался до тех пор, пока скулы не свело судорогой, и наконец поймал нужное ощущение.

Однако съёмки в этих местах уже близились к завершению, а режиссёр Тянь больше не заговаривал об этом. Дуань Цунчжи решил, что тот просто забыл о своей причуде, но в самый последний день Тянь вдруг спросил:

— Сяо Дуань, ну так что там с ушами?

Дуань Цунчжи лишился дара речи.

И как только не вылетело из головы? С лёгким вздохом он ответил:

— Выходит только с одной стороны.

Режиссёр Тянь несказанно обрадовался:

— Достаточно, вполне достаточно!

Он тут же заставил актёра отработать кучу крупных планов, чтобы потом вклеить эти кадры при монтаже.

Во время этих досъёмок Ху Сюйцзэ стоял рядом с режиссёром у монитора. Сначала он просто улыбался, глядя на экран, но вскоре тихонько откашлялся и как-то неловко отвёл глаза.

То, что Дуань Цунчжи безумно хорош собой, не вызывало сомнений ни у кого. Но его профиль — а если точнее, линия от шеи до самого уха — обладал какой-то особенной, хрупкой утончённостью, незаметной, когда смотришь прямо. Светлая, почти прозрачная кожа, худощавое телосложение и маленькая, аккуратная, округлая мочка уха — всё это действительно толкало на грешные мысли.

Режиссёр Тянь всё понял без слов:

— Смущаешься?

Чувства Ци Вана к Учэню были далеки от платонических, и во время съёмок актёры неизбежно подпадали под влияние эмоций своих персонажей. Обычно они легко выходили из этого состояния вне кадра. Ху Сюйцзэ, несмотря на молодость, был настоящим профессионалом, так что режиссёр за него не переживал. К тому же скрывать подобное не имело смысла — если озвучить это вслух, атмосфера на площадке становилась только разряженнее.

Ху Сюйцзэ лишь тепло улыбнулся в ответ, предпочтя промолчать.

Когда с крупными планами было покончено, режиссёр Тянь объявил:

— Дальше график будет очень плотным. Чтобы вы не растеряли рабочий настрой, никаких отпусков давать не буду. Сразу летим на следующую локацию. Пару дней обустроимся — и за работу.

Дуань Цунчжи был наслышан о суровых методах Тяня. И всё же он до последнего надеялся выкроить хотя бы пару дней, чтобы съездить домой. Дело было не в том, что режиссёр Тянь запрещал отдыхать, просто он панически боялся, что актёры растеряют нужный эмоциональный настрой. Дуань Цунчжи прекрасно понимал, что в этом плане он — самое слабое звено, а потому просить об отгуле язык у него не повернулся.

«Ничего, подожду», — мысленно вздохнул он. Вот закончатся съёмки, тогда и вернётся.

В их последнюю ночь в Юньчэне съёмочная группа наконец-то выбралась в город. Режиссёр Тянь повёл всех на ночной перекус — в самое простое придорожное кафе с уличными пластиковыми столами, где подавали шашлычки и холодное пиво.

Пока они сидели за столом, над ними покружила назойливая муха и уселась прямо на пустую тарелку. Режиссёр Тянь уставился на неё с глубокой задумчивостью.

— Сяо Ху, у меня тут мысль появилась… Как думаешь, если твой герой поймает муху палочками для еды, это…

Ху Сюйцзэ опешил.

Если бы речь шла об обычном монтаже, Тянь не стал бы спрашивать. Раз спросил — значит, планировал заставить его проделать этот трюк вживую. Должно быть, Дуань Цунчжи разбаловал режиссёра своими талантами, внушив ему ложную иллюзию, будто любой актёр способен освоить абсолютно всё.

Когда Дуань Цунчжи мучился со своими ушами, Ху Сюйцзэ от души над ним подшучивал. Теперь же Дуань Цунчжи отыгрался на полную.

Ху Сюйцзэ с беспомощной улыбкой посмотрел на режиссёра:

— Этому я точно не научусь, сдаюсь.

Тянь и сам понимал, что это задача почти невыполнимая. С сожалением вздохнув, он отпустил эту идею и повернулся к Дуань Цунчжи:

— А ты умеешь?

— Голыми руками поймать могу, — отозвался тот.

Договорив, он небрежно вытянул бумажную салфетку из коробки и неуловимым, стремительным движением взмахнул рукой. Никто толком не успел разобрать, что произошло, но когда Дуань Цунчжи разжал ладонь, внутри бумажного комочка действительно оказалась злосчастная муха.

— Ну ты даёшь! — восхищённо захлопал в ладоши Ху Сюйцзэ. — А на бис повторишь?

Дуань Цунчжи проигнорировал его шутовство. Повторять было не на ком — другие мухи над столом не кружили.

Как раз в этот момент к импровизированному столику подошёл хозяин заведения с подносом горячих шашлычков и застал всю компанию за разглядыванием пойманного насекомого.

Поскольку столики стояли на открытом воздухе, появление насекомых было неизбежным, хотя с наступлением осенней прохлады их стало заметно меньше. Хозяин шашлычной за годы работы повидал всякого. Клиенты частенько устраивали скандалы из-за мух в еде. Но чтобы кто-то целенаправленно выслеживал и ловил их голыми руками — такое он видел впервые.

«Неужто решили шантажировать и требовать компенсацию?» — заподозрил неладное мужчина. Он окинул взглядом сидевших за столом гостей. Приличные с виду люди, одеты дорого, лица красивые, а занимаются чёрт знает чем.

Напустив на себя настороженный вид, торговец поспешил оправдаться:

— Ну, на улице без мух никак, сами понимаете. Но уверяю вас, продукты у нас чистейшие! Всё мясо держим в холодильниках, под плотной пищевой плёнкой.

Гости недоумённо переглянулись. Поняв, что без уступок от этих странных типов не отделаться, хозяин скрепя сердце стиснул зубы и заговорщически прошептал:

— Ладно… Сделаю вам скидку в двадцать процентов на весь сегодняшний счёт.

При этом он украдкой показал на пальцах «восьмёрку». Из-за его таинственного тона и приглушённого голоса Дуань Цунчжи на секунду показалось, будто они снимают шпионский триллер, а перед ним — связной подполья, передающий секретный шифр.

Сказав это, владелец заведения уставился на зажатую в салфетке муху и спросил:

— Теперь отдадите её мне?

Дуань Цунчжи растерялся окончательно. Неужели этот человек коллекционирует мух?

Он молча протянул сложенную салфетку. Хозяин бережно принял её, резко сжал кулак, раздавив насекомое, и хладнокровно швырнул комок в мусорное ведро.

— Приятного аппетита. Скидка двадцать процентов за мной, — бросил он на ходу и удалился.

Дуань Цунчжи и Ху Сюйцзэ растерянно переглянулись. Что это вообще сейчас было?

Режиссёр Тянь, который уже раскусил немую сцену, весело рассмеялся:

— Он, должно быть, решил, что мы поймали муху в тарелке и собираемся закатить скандал ради бесплатного ужина… Эх, жаль, операторов с нами нет, отличный вышел бы закадровый материал!

Разгадав мотивы хозяина, они решили не злоупотреблять его щедростью и не стали заказывать слишком много пива. В таких уличных забегаловках алкоголь и так продавали почти по себестоимости, рассчитывая на объёмы. С двадцатипроцентной скидкой бедный владелец вообще рисковал остаться без выручки и уйти в минус. Всем сейчас жилось несладко.

***

Следующая съёмочная локация находилась довольно далеко. Здесь, на юге, в конце октября всё ещё стояла приятная теплынь, но на севере вовсю правила глубокая осень. Стоило Дуань Цунчжи сойти с трапа самолёта, как его обдало резким холодом. К счастью, заботливый Чжоу Цюань заранее сверился с прогнозом погоды и вовремя протянул ему тёплую куртку.

Осенняя степь встретила их увядающей, пожелтевшей травой — совсем не такой сочной и зелёной, как летом. Однако бескрайний, суровый пейзаж поражал воображение своей величественной, щемящей пустотой. Именно такая атмосфера и требовалась для фильма.

Большинство сцен в степи требовали уверенной верховой езды. Самих эпизодов было немного, и съёмочная группа планировала уложиться в три-пять дней. Ради этих коротких кадров можно было и не уезжать так далеко, заменив всё павильонными съёмками, но режиссёр Тянь признавал только живую натуру. А поскольку инвестор в лице компании «Чуанши» денег не жалел, всю команду без лишних разговоров вывезли в настоящие степные просторы.

Тянь обожал смотреть, как Дуань Цунчжи держится в седле. В его памяти до сих пор жил образ того десятилетнего мальчишки, который с залихватским свистом летел верхом, полный юношеского задора и отваги.

Жаль только, что смиренному монаху Учэню подобная удаль была совершенно не свойственна. Лихой аллюр куда больше подошёл бы бунтарю Ци Вану, да и сам характер Дуань Цунчжи, если честно, был куда ближе к образу его экранного партнёра.

Ху Сюйцзэ за свою карьеру снялся во множестве исторических дорам и в своё время специально брал уроки верховой езды. Поскольку оба исполнителя главных ролей уверенно держались в седле, режиссёр Тянь решил отказаться от дублёров и снимать всё вживую.

Работа продвигалась без сучка и задоринки. Вот только после целого дня, проведённого в седле, у Дуань Цунчжи немилосердно заныли натруженные бёдра с непривычки.

Чжоу Цюань до этого ни разу не сидел на лошади. Пользуясь тем, что съёмки проходили на настоящем конном дворе, Дуань Цунчжи милостиво отпустил помощника покататься в свободное время. Тот с радостью провёл в седле всё утро, а уже к вечеру молча принёс своему

подопечному заживляющую мазь.

Дуань Цунчжи не ожидал от него такой предусмотрительности, но стоило ему заметить странную походку враскоряку Чжоу Цюаня, как всё встало на свои места. Помощник на собственном горьком опыте прочувствовал все «прелести» конных прогулок.

Дуань Цунчжи велел ему поделиться мазью с Ху Сюйцзэ. Сестра Чжан, агент актёра, была женщиной, а сам Ху Сюйцзэ — взрослым мужчиной, которому наверняка было неловко жаловаться на подобные деликатные неудобства.

Из-за сегодняшней суматохи Дуань Цунчжи совсем позабыл спросить у Цинь Кэ, что тот заказывал на обед. Вспомнил он об этом только перед выходом на площадку, а потому наспех бросил Чжоу Цюаню:

— Если кто-то будет звонить, ответь сам. Скажи, что я сейчас занят.

Однако ни днём, ни к вечеру телефон так ни разу и не зазвонил. От Цинь Кэ не пришло ни единой весточки.

С того памятного дня, когда Цинь Кэ впервые прислал ему фото меню, Дуань Цунчжи взял за привычку отправлять ему забавные снимки со съёмок, делясь подробностями своей жизни. Вот и вчера, едва оказавшись в степи, он сразу же переслал ему красивый пейзаж бескрайних просторов.

Цинь Кэ же оставался верен себе — классический пример молчуна, способного за секунду загубить любую беседу. Он аккуратно отвечал на любые вопросы Дуань Цунчжи, но сам никогда, ни при каких обстоятельствах не проявлял инициативы и не интересовался, как у того дела.

Дуань Цунчжи вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает глухая досада. Он ведь уверял себя, что готов играть в одни ворота, но теперь глупое сердце требовало взаимности. Так и не дождавшись звонка, он решил проявить характер. В отместку неприступному мужчине он отказался отправлять привычное пожелание спокойной ночи.

Проснувшись на следующее утро, он первым делом проверил телефон. Ни-че-го. Пустота. От этого злость вспыхнула с новой силой.

«Что ж, тогда и доброго утра сегодня не дождёшься!» — мстительно решил юноша.

Время близилось к началу съёмочного дня, а заветного сообщения всё не было. С самым бесстрастным лицом Дуань Цунчжи сфотографировал величественный степной рассвет и выложил снимок в соцсети, лаконично подписав: «Доброе утро».

***

В эту деловую поездку Цинь Кэ взял с собой помощника Гу. Коллеги не придали этому особого значения: босс никогда не придерживался строгих правил при выборе сопровождающих, руководствуясь какими-то своими соображениями. Подчинённым оставалось лишь безропотно подчиняться.

И только сам Гу втайне ликовал. Он чувствовал себя хранителем великой тайны, за что, по его мнению, и удостоился высочайшего доверия.

Раньше Цинь Кэ всегда оставлял мобильный телефон своим секретарям. Он терпеть не мог оттопыренные карманы строгих костюмов и никогда не носил с собой громоздкие портфели. Но в последнее время аппарат неизменно лежал у него в руке или в кармане брюк. Невиданное дело: строгий директор Цинь не расставался с телефоном!

Укрепившись в своей догадке, помощник Гу проявил чудеса предупредительности. Где бы они ни обедали, он первым делом выпрашивал у официантов меню, пересылал его боссу и начинал караулить обновления в соцсетях Дуань Цунчжи.

Поначалу всё шло как по маслу, но со вчерашнего дня отлаженный механизм дал сбой. Отослав очередное меню, Гу прождал несколько часов, но на странице молодого господина Дуаня так и не появилось ни одной свежей публикации. Сегодня за завтраком директор Цинь то и дело мрачно поглядывал на экран телефона, и выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

Интуиция подсказывала помощнику, что причина кроется в юном актёре. Быстро покончив с едой, он перед самой посадкой в машину тайком заглянул в ленту и наконец-то обнаружил свежий пост Дуань Цунчжи — обычную фотографию рассвета с лаконичной подписью.

С виду ничего особенного. Если молодой господин Дуань в хорошем расположении духа, босс должен радоваться, верно? Помощник Гу совершенно запутался.

Во время утреннего совещания Гу с нарастающим ужасом зафиксировал: директор Цинь проверил телефон целых три раза.

Человек, который раньше вообще не притрагивался к гаджетам на заседаниях, за два часа трижды взглянул на экран! Докладчик от этого зрелища взмок до ниточки. Решив, что совершил фатальную ошибку, он так разнервничался, что действительно перепутал цифры, урезав показатели прибыли филиала на добрых десять процентов.

Цинь Кэ небрежно положил телефон экраном вниз на полированную столешницу, поднял холодный взгляд и ровным голосом указал на ошибку. От этого бедолага занервничал ещё сильнее. Бумаги в его руках мелко задрожали. А ведь он был руководителем крупного регионального подразделения, но перед высшим руководством всякий раз трепетал, словно

нашкодивший школьник.

Докладчик умоляюще посмотрел на Гу, но тот лишь сочувственно улыбнулся в ответ — помочь он ничем не мог, да и сам толком не понимал, какая муха укусила босса.

В обед помощник Гу снова безуспешно прождал весточки от Дуань Цунчжи. Глядя на то, как суровое лицо Цинь Кэ становится всё мрачнее и холоднее, он, кажется, начал догадываться, в чём дело.

Когда на дневном заседании очередной выступающий сбился с мысли и Цинь Кэ резко оборвал его, ледяным тоном исправив неточность, Гу даже бровью не повёл. Он лишь мысленно пожалел несчастного коллегу.

Что поделать. Когда в семье у начальства назревает гроза, подчинённым неизбежно достаётся отголосками этой бури. Придётся терпеть — в конце концов, за это им и платят неплохие деньги.

http://bllate.org/book/18330/1765590